

ДВ824Р6-5

Б432

радуга.02

Юрий Белинский

Течение

Стихи

ДВ 84Р6-5
Б432

ПОЭЗИЯ
радуга-82

ДН/8

Комсомольск н/А
МУК ГЦБ
Хабаровский край

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

Юрий Николаевич Белинский
Родился в 1949 году в Казахстане.
Учился и работал в Сибири.
Служил в рядах Советской Армии.
После демобилизации жил на Камчатке,
работал грузчиком.
В настоящее время живет
в Комсомольске-на-Амуре,
работает лаборантом
в политехническом институте.

Юрий Белинский
Течение

Стихи

Б Б К 84.3
Р 2
Б 43

Художник Ю. И. ДУНСКИЙ

Б $\frac{70302-2}{M160(03)-82}$

без объявл.—82

4702010200

©Хабаровское книжное
издательство, 1982

МОНОЛОГ

Какой бы ни был срок
отпущен наперед, —
последний монолог
к ответу призовет.

Забыл родной порог
и все пути к нему...
Последний монолог
напомнит — почему.

Ни зла, ни лжи налет,
ни страха твоего —
последний монолог
не скроет ничего...

Прислушайся к судьбе,
по совести проверь:
мешает что тебе
все высказать теперь?

Живи, чтобы в душе
такой рождался слог, —
как будто он уже
последний монолог.

* * *

Как чудесам сопротивляется
наш разум!..
Но в какой-то миг
чудинка в людях
проявляется
и — к безрассудству напрямик!
И понимаешь,
не без робости,
что, очевидно, неспроста
так человека тянут
пропасти,
так манит
краешек моста.
Да, неспроста
зовет и просится
душа,
превозмогая жуть,
однажды в бездну с маху
броситься,
как бы себя перешагнуть.
И жалит разум твой укорами,
и надобно поверить лишь,
ты ей за это, разум, мстишь, —
что, оторвавшись от опоры, ты
не разобьешься,
а взлетишь!
Какая-то истома сладкая
томит.
А что тому виной?..
Вот зачесалось под лопатками...
Неужто
крылья за спиной?!

* * *

Поблескивают форточки
весеннего двора...
И вот с утра на корточках
у лужиц детвора.

Не знающие графиков,
послушные рукам,
уже летят кораблики
к далеким берегам.

Звучат команды звонкие,
бурунами — вода,
и гнутся мачты тонкие,
но это не беда!

Весной уполномочена,
все убыстряя ход,
уже армада мощная
корабликов плывет.

И дворик раздвигается,
и мачт уже не счесть...
Большая навигация
берет начало здесь!

* * *

Е. И. Сигареву

И он водил
по морю корабли,
осваивал
бесчисленные пирсы.
Но нынче там
другие «короли».
А он уже давно
на берег списан.

Но к морю он,
уже седой, как лунь,
выходит непременно
на рассвете:
садится
на обкатанный валун,
раскопав трубку перед этим.

И вновь, и вновь
увидит он корабль —
свой,
вызванный из памяти печальной,
миражно-зыбкий,
словно бы коралл
под солнечными
первыми лучами.

И различит
качающийся трап
и мостик свой,
и берег за кормою...

И кажется: сползает
белый краб
по козырьку
с его фуражки
к морю.

* * *

Осень разделила на ребят
Призывные — в армию — повестки.
Мамы вслед им жалостно глядят.
Обещают вечно ждать невесты.

А они беспечны и легки,
Знать, за щедрость оценили осень.
И мелькают, как боровики,
Стриженные головы меж сосен.

Их в вагон, как будто в кузовок,
Соберут неумолимо сроки;
И вплетется, как вьюнок, гудок
В серые дождливые потоки.

И тогда их не минует грусть,
Потому как проводы не на день.
И возьмет их чистенький, как груздь,
Под свое начало лейтенантик.

ПАМЯТЬ

Я не горел в огне.
И нет во мне свинца,
но помню о войне
я памятью отца.

Она мне застит свет —
отец меня поймет.
На нем жестокий след
оставил огнемет.

И, не сумев убить,
его пронзил свинец...
Мне то не позабыть,
что помнит мой отец.

Я помню, что везде
себе он верен был,
и как в своей судьбе
он Родину любил;

как целовал он шелк,
колени преклоня.
И как вперед он шел,
любовь свою храня...

И я пойду вперед,
за памятью его...
И лютый враг умрет
от взгляда моего!

* * *

Перебежками короткими
продвигаемся вперед...
Где вы, девы наши кроткие?
Как нам вас недостает!

Мы бежим в просвете радужном...
Но в неправдашнем бою,
словно бы в бою заправдашнем,
вспомнив каждый про свою.

Все вечерки вспомним заново.
Может, в письмах ваших ложь?
Вам грешно солдат обманывать.
А обманете... Так что ж!

Значит, просто — были шалости,
не любовь, а пустяки.
И наколем мы без жалости
ваши письма на штыки!

* * *

Оборачиваясь к опадающим вишням,
как и я, покидая родные края,
песню пел паренек в кинофильме давнишнем.
Я запомнил слова: «Ридна мати моя...»

С той поры прошумело годочков немало
над моей головой, но, печаль затая,
если я забывал, то душа вспоминала
и шептала слова: «Ридна мати моя...»

Я в солдатском строю по военной тревоге
шел походом — и солнце, нещадно паля,
на неведомой мне, на пылящей дороге
выжигало слова: «Ридна мати моя...»

Слышу их вдалеке от родимого дома,
в легком шуме прозрачной листвы у плеча,
и в широком раскате весеннего грома,
и в пронзительном крике шального грача.

С ними я обретаю уверенность в спорах,
с ними я познаю и других, и себя.
И на этих словах, как на мощных опорах,
жизнь надежно стоит — и любовь, и судьба.

И неистовый ветер до слуха доносит,
как на всех языках — и любя, и моля, —
человечество эти слова произносит:
«Ридна мати моя... Ридна мати моя...»

В ГОРОДКЕ ДЕТСТВА

Снова я
в родимом городке,
где я с детством
вновь накоротке.
Где меня
заносит на окраины,
где мои поступки
так неправильны,
где у каждой двери иль стены
так воспоминания сильны.
Кажется,
во мне они не кончатся...
Боже мой,
как ласковости хочется!
Но не той —
холодной, проходной,
а, как прежде,
от души родной.
Хочется, как в детстве,
неподдельности,
без замаскированной
надменности.
В этом городишке все сейчас
шепчет мне: «Останься хоть на час...»
Я останусь.
Может, повезет.
И одарят чудом
душу грешную.
И моя,
по случаю, воскресшая
бабушка
гостинца принесет.

ТЕНЬ

Земля в закатной дымке
дрожит слегка.
Как зреющие дыни —
в степи стога.
Уже вдали мигает
окно огнем,
дорога убегает
туда, где дом.
И вот, — куда? не знаю, —
уходит день.
И медленно линяет
и стынет тень.
Она в ногах у мрака,
чтоб раньше встать,
как умная собака,
ложится спать.

ДИАЛОГ

— Вот если бы ты полюбила меня!
Я смог бы волшебником стать.
Я стал бы каштаны таскать из огня,
цветами твой путь устилать.
О, если бы я был тобою любим!
Я б новую в небе открыл
звезду —
и пред миром, на зависть другим,
ей имя твое подарил...
Сказала она, поглядев на него
и брови упрямо сведя:
— Но ты же не сделал совсем ничего,
чтоб я полюбила тебя...

* * *

Где наша любовь?..
Не видна за годами,
ушла,
на земле не оставив следа.
Но то, что случилось, что было меж нами,
осталось, как светоч,
в душе навсегда.

Осталось последнее нежное слово,
остались любимые нами места,
которые тянут и снова, и снова
туда, где природа, как прежде, чиста.

Туда, где гуляют такие же люди
живущие — словно дыханьем одним.
Где сладко березы нам шепчут о чуде,
которое так не понятно другим...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Мужчина и женщина встретились в мире —
и это явилось началом всему.

Не важно то: в мире или просто в квартире,
но, встретились если, то быть по сему.

И в меру — не больше — он с нею был нежен,
он даже не понял: любил ли ее?

Мужчина и жил бы себе безмятежно,
вот если бы не тяготило жильё.

Откуда возникла в нем эта тревога?

Она будоражила, словно вино.

И сердце настойчиво звало в дорогу,
куда и зачем — ах, не все ли равно!

А женщина только о счастье мечтала.

Но, эту тревогу заметив любя,
себя лишь во всем виноватой считала,
за то, что держала его у себя.

И даже ночами тихонько просила,
в каком-то ему непонятном хмелю:

— Любимый, прости мне, что я некрасива...

— Любимый, прости мне, что я так люблю...

Не вытерпел он и сказал: — Ты постыла...

Меня от «прости» своего отпусти...

Она даже смысла тех слов не постигла.

Сказала: — За то, что постыла — прости...

И больше не споря и не возражая,
он только единственный выход нашёл:
покинул пределы ее обожания.

А вслед прозвучало: — Прости, что ушел...

Вздохнул он на это — и песенка спета.
Свободен! И, веря в счастливый исход,
окинул он взглядом все стороны света
и, плечи расправив, пошел на Восход.

И долго, не зная себе назначения,
бродяжил — и вот, поседевший уже,
присел и подумал: «Куда и зачем я?..»
И больно тоска шевельнулась в душе.

И в мыслях свой путь повторив от начала
и снова вернувшись к истоку тоски,
услышал — не сверху ли вдруг прозвучало
печальное это: «Любимый, прости...»

Окинул он взглядом пустынную землю
и понял, что прожил с душою не в лад.
И медленно вымолвил: — Милая, внемлю...
И, плечи понутив, пошел на Закат.

Дорога казалась ему незнакомой,
он шел неустанно и ночью, и днем...
Пришел. Но ее уже не было дома.
А те, кто остались, забыли о нем.

И вышел он из дому вновь на дорогу
(опять на дорогу!), надсадно дыша.
И молча пошел к горевому порогу,
где, думал, ее пребывает душа.

Он шел — и его, как хмельного, шатало.
И ночь, словно вечность, неслышно текла.
Душа ли, звезда ли из бездны шептала:
«Любимый, прости мне, что я умерла...»

ЧАСЫ

Я у часов стою и жду —
и жгу табак, и спички жгу.

Все жду тебя я и, светясь,
часы показывают Час...

Я не один. Вон тоже ждет
другой. И тоже спички жжет.

Как на оторванных от масс,
рекламы щурятся на нас.

Косится милиционер —
Мы подаем худой пример.

Сосед ушел на бюллетень...
Часы показывают День.

А я ко времени прилип.
И милиционер привык.

Идут снега. Идут дожди.
Я жду. Ведь ты сказала: — Жди...

Я не ушел от непогод...
Часы показывают Год.

Как много лиц передо мной
прошло!.. Похожей ни одной.

Но я шепчу себе: — Держись!..
Часы показывают Жизнь...

СТАРШИНА

Ничего тебе не спустит,
Знает службу он свою.
Он затылком видит кустик,
за которым я стою.

Я сегодня в самоволке.
За нее — наряд тройне.
И шинель, как шерсть на волке,
ощетинилась на мне.

Мне, конечно, будет худо.
И не смогут мне помочь
никакое в мире чудо,
никакая в мире ночь!

И не будет мне пощады.
Знаю, участь решена:
Увольнения — прощайте!
Но... уходит старшина.

Он уходит неторопко.
И спина его грустит.
И поблескивает тропка
снежным настом и хрустит.

Он уходит тихо, мирно,
словно бы не жжет мороз.
И стоят по стойке «смирно»
перед ним стволы берез.

МАМА

Пол-России я исколесил.
Даль меня от дома отрывала...
Мама! Я не самый лучший сын.
Ты меня прости за это, мама!

Много испытать мне довелось.
Долго через сердце боль сквозила...
Чтобы надо мной рассеять злость,
Мама, ты единственная сила!

Я могу от боли ошалеть.
Так нелепо все перемешалось!
И никто не хочет пожалеть.
Мама, ты единственная жалость!

Громкими литаврами звеня,
или лишь позвякивая слабо,
как бы жизнь ни славил меня,
мама, ты единственная слава!

Будет ли любовь в моей судьбе
или же печальнейшая повесть,
если я забуду о тебе,
мама, ты единственная совесть!

Жизнь спешит во сне и наяву.
Все приобретает быстротечность.
Но пока на свете я живу,
мама, ты единственная вечность!

МОРСКИЕ ЗАПАХИ

Нас спасая плеском
от тоски и хвори,
море пахло лесом
и душистой хвоей.
Пахло море дымом
над родимым домом
и созревшей дыней,
и широким долом.
Пахло, как лепешка,
добрыми руками
и совсем немножко —
женскими духами.
Пахло, как в червонной
роще пахнет прелость.
Пахло тем, чего нам
от него хотелось!

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Где-то приглушенно
 стонет даль морская.
Суетится ветер,
 шторм на нас науськивая...
Ты не деревенская
 и не городская.
Для меня ты просто
 девочка тауйская.
Мы идем по берегу,
 по земному краю,
где со словом каждым
 крики чаек вяжутся.
Не люблю я вовсе,
 а в любовь играю...
Но на самом деле
 это только кажется.
Ты, о чем ни спросишь,
 так с моим ответом
ждешь речей особых,
 но они не скажутся.
Все уже сказали
 люди в мире этом...
Но на самом деле
 это только кажется.
Выплывают нерпы
 из глубин зеленых.
(Все мои прогулки
 в будущем накажутся.)
После поцелуев
 губ твоих соленых
мне другие губы
 пресными покажутся.

Мы друг друга тешим
лаской неумелой.

(Ничего меж нами
больше не исполнится.)

И еще не скоро
болью очумелой

задохнется сердце,
вспомнив все, что помнится...

Никому я тебя не отдам:
ни минутам, ни дням, ни годам,
ни летящим во тьму проводам,
ни твоим уходящим следам...
Никому я тебя не отдам:
ни дождям, ни ветрам, ни снегам,
никаким на земле берегам,
никаким голубым городам...
Даже если уйдешь от меня,
даже если уедешь куда,
все забыв, все простив, все кляня..
Не хочу! Ни за что! Никогда!
Даже если ты будешь с другим,
и плечом прикасаться тугим
будешь нежно к другому плечу...
Никогда! Ни за что! Не хочу!
Даже если я буду другой,
тоже гибкой и тоже тугой
подавать в гардеробной пальто...
Не хочу! Никогда! Ни за что!
Никому я тебя не отдам:
ни заботам твоим, ни делам,
никаким пересудам — судам,
никаким отшумевшим садам,
никаким отошедшим векам,
никаким, даже нежным, рукам,
каждодневно несущим цветы...
И ответь мне, родная, а ты?
Может, это какая-то блажь?
Может быть. Только мне, чтобы жить,
нужно очень уверенным быть,
что ты тоже меня не отдашь!

* * *

Уже не знаю сколько лет,
как Леонардо, я
пишу всего один портрет
на фоне бытия.

Пишу, все прочее глуша,
и в этом не спешу.
Моя натурщица — душа.
Я жизнь с нее пишу!

ДУША МОЯ...

Звучи, душа моя,
восторгом
назло всем бедам и врагам.
Ведь ты, душа моя, —
не орган.
Но ты, душа моя, —
орган.

СОДЕРЖАНИЕ

Монолог	5
«Как чудесам сопротивляется...»	6
«Поблескивают форточки...»	7
«И он водил...»	8
«Осень разделила на ребят...»	10
Память	11
«Перебежками короткими...»	12
«Оборачиваясь к опадающим вишням...»	13
В городке детства	14
Тень	15
Диалог	16
«Где наша любовь?...»	17
История одной любви	18
Часы	20
Старшина	21
Мама	22
Морские запахи	23
Морская болезнь	24
«Никому я тебя не отдам...»	26
«Уже не знаю сколько лет»	27
Душа моя	28

Юрий Николаевич Белинский

ТЕЧЕНИЕ

Редакторы *М. Ф. Асламов, Л. С. Овечкина*
Художественный редактор *А. Н. Посохов*
Технический редактор *Т. А. Костюченко*
Корректоры *В. А. Мысливец, О. В. Коренькова*

ИБ № 920

Сдано в набор 08.12.81.

Подписано к печати 19.03.82. ВЛ 08360.

Формат 70X⁹⁰¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

1,17 усл. печ. л. 0,8 уч.-изд. л.

Тираж 1500 экз. Заказ 271. Цена 10 коп.

Хабаровское книжное издательство

Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 краевого управления

издательств, полиграфии и книжной торговли,

г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Белинский Ю.
Б43 Течение. Стихи. — Хабаровск:
Кн. изд., 1982. — 32 с.

Первая книжка молодого поэта. Кроме стихов-раздумий о жизни, о солдатской службе, в сборник включены лирические стихи о любви.

70302-2 без. объявл. 4702010200
М160(03)—82